

ПРИГОРОД

Неспешная Быстрая

На сей раз журналист «Березниковского рабочего» погостил в деревне Быстрая, которая ограничивает наш теперь такой громадный городской округ с юго-запада.

Яна Агеева,
фото автора

Звоните 20-15-56,
пишите: br@bersmi.ru
Читайте также www.peretm.ru

Шестой пассажир

От Березников до Быстрой – 95 км, как сообщает приложение «Яндекс. Карты». Оно же наивно проложило сухопутный маршрут до деревни, пообещав, что на машине я доберусь до пункта назначения за 2 ч 31 мин., а на велосипеде – за 5 ч 41 мин. Пешего маршрута у приложения не нашлось. Эх, расчёты бы «Яндекса» да министру транспорта в уши! Нет до Быстрой сухопутной дороги. По воде – три часа. Летом туда ходит теплоход «Карат», на который местные жители молятся готовы, и личные лодки-катера местных жителей и рыбаков. Зимой – их личные снегоходы. В межсезонье – ничто.

Утро 28 сентября, когда я поехала в деревню, началось с мелкого сеянца-дождя. Людей на посадочном пригорке у чкаловского отворота было не больше двух десятков. Теплоход «Карат» долго мостился к берегу по сильно обмелевшему каналу. Внутри «Карат» оказался уютным: салон с отоплением, туалет с туалетной бумагой, мылом и освежителем воздуха. Правда, лавочки жёсткие с ровной неудобной спинкой – за три часа пути устаёшь. Но

по углам салона стоят большие лари для спасжилетов, сверху они – мягкие широкие диваны, кое-кто из пассажиров, гляжу, прилёт.

За бортом бежит бесконечный лес – пегий от пожелтевших лиственных деревьев, вкрапленных в суровую хвойную гриву. Пегий лес, бегущий краем Камы... После Тамана из 18 пассажиров теплохода в салоне вместе со мной остаётся шесть. Быстрые все друг друга знают, на новичка поглядывают: мол, кто такая, к кому. Из деликатности не задают никаких вопросов.

Всё натуральное

На высоком правом берегу Камы замечаю остановочный комплекс – коробку, какие были когда-то на окраинах Березников, белые буквы сообщают, что перед нами деревня Быстрая, ещё недавно входившая в состав Усольского городского поселения. На крыше коробки – российский триколор, за ней спутниковая антенна, обеспечивающая деревню связью. Меня встречают. Местная жительница, ни за что не пожелавшая, чтобы её как-то упомянули, согласилась приютить меня и познакомить со своей родиной. Знакомство с родниной начинается с... борща. В глубокой тарелке, ароматного, в котором мяса почти столько же, сколько овощей, с горкой густейшей сметаны. – Да вы ешьте, ешьте, всё своё! – улыбаётся Хозяйка, ловко снуя по комнате, куда мы попали из

Виктор Мишута, кан нот учёный у пушкинского дуба, рассказывает истории под быстринским недром

двора через низенькую дверь с кованым кольцом-ручкой, в которой чувствуются все 104 года существования дома. – Городской только хлеб, конфеты и колбаса. Хозяйка уходит за занавеску, выносит миску, похожую на небольшой таз, с творогом и мёдом. Под аккомпанемент моей ложки Хозяйка и **Виктор Михайлович Мишута**, местный правдоруб, «кость в горле усольской администрации», специально пришедший пообщаться с журналистом, рассказывают о своей деревне. – Знаете, у нас хорошая деревня, но странная, – говорит Хозяйка. – Я пыталась узнавать, что здесь было до советских времён. Ведь жили люди! Дед мой дом этот в 1904 году построил, значит, что-то было? Но нигде никакой информации о Быстрой нет. Это я не просто так говорю, я к истории обращалась. Есть такой в Березниках, **Сергей Иванович Кульбиков**, так он тоже изучал, что про нас нигде никакой информации не нашёл.

Таёжная, молодёжная, уходящая

В советские времена здесь жили очень хорошо. До 1974 г.

в деревне были и пекарня, и промтоварный с продуктовым магазинами, и школа-четырёхлетка, и ясли, и фельдшерский пункт, и танцы по вечерам, и дороги до Тамана, Орла, Усоля. – Дороги лесхоз прокладывал, он и ухаживал за ними. Располагался лесхоз на том берегу, на Быстринской Базе, – Мишута машет рукой куда-то в сторону Камы, но говорит не о камском берегу, а о речке Быстрая, по имени которой и названа деревня. Речка эта, всего в километр длиной, и правда была очень быстра раньше, до постройки КамГЭС. – Здесь был лесхоз и участок Орлинского рейда. Лес привозили сначала подводами, потом машинами к берегу Камы, связывали в пучки, затем сплавляли вместе с лесом с верховий. Вот тогда дороги были хорошие, а потом заросли совсем. Нет дороги к нам больше. Виктор машет рукой и умолкает, прихлёбывая кипяток – чай не любит, если только совсем жиденький. Хозяйка рассказывает про колхоз, который был в самой Быстрой: – Деревня до затопления располагалась на обоих берегах речки Быстрой, в её устье. Здесь много молодёжи было, детей в семьях помногу росло. Сюда переселяли людей, ссылали и

до войны, и во время, у многих один родитель – не местный. А колхоз был большой, скот держали: и коней, и коров, и овец, и птичник был – гуси, утки, куры. Поля были вокруг большие, там выращивали и овощи, и зерновые, и кормовые. – Да, рожь, пшеница, овес – всё росло, – вступает в разговор Мишута. – Здесь было подсобное хозяйство у азотчиков, так пшеницы собирали 19 центнеров с гектара! Я не понимаю, много это или мало, но чувствую, что надо восхититься, и с умным видом покачиваю головой. – А сейчас придумали зону рискованного земледелия! Нет у нас в районе специалистов по сельскому хозяйству и хозяйства поэтому нет! – отрезает Виктор и прихлёбывает кипяток. Жили в деревне хорошо, богато. Дома ставили крепкие, личные хозяйства держали больше – в каждом дворе было хотя бы по одной корове, а то и по две-три, овец, кур и прочей мелочи, можно сказать, не считали. Были постоянные проблемы с сеном: косить ездили далеко, вывозили на лошадах. – Раньше ни травинки по деревне не найдёшь! Овцы всю её до земли выедали – чисто, гладко. Улицы лучше выгляде-

Галерея живых и мёртвых домов деревни Быстрая

В этом доме располагалась быстринская начальная четырёхклассная школа. Сейчас это – жилой дом. Ряд берёзок справа – остатки насаждений, сделанных школьниками много лет назад

Фото 1950-60 гг. Вид на деревню Быстрая с высокого берега в устье речки Быстрой. Выделенной части сейчас нет – смыла Кама. «Стожки» за спинами ребят – сжатая рожь или пшеница

ли, чем газоны в городе! – это моя Хозяйка подключается. – Сейчас бурьяном всё заросло. Мои коровы одни пасутся, никто больше не держит скот. После постройки КамГЭС вода в Каме поднялась и сильно изменила жизнь деревенскую. Заречную территорию заброшили, люди перенесли дома на тот берег, где Быстрая стоит сейчас. Узкая и в истоке, и в устье Быстрая, которую когда-то переходили по мостику, наполнилась камской водой, разлилась, раздалась, замедлилась. Порезвилась Кама и с нынешним местом обитания деревни: увела на дно две улицы, смыла часовню, изменила очертания береговой линии. Берег продолжает осыпаться: огороды тех быстриан, кто живёт на первой от Камы улице, уже на самой кромке обрыва. Берег никто не укрепляет. – Власти проще нас закрыть. Мы как бельмо на глазу – всем жить мешаем, – горько усмехается моя Хозяйка. – Молодёжь сейчас сюда только на дачу приезжает. А мы, кто здесь вырос, родителей схоронил, здесь живём и будем жить!

Полная автономия

– Почему бельмо-то? Вон как тут у вас хорошо, тихо. Ворьё, поди, не добирается, огороды не выкапывает. Чем вы мешаете? – недоумеваю я. – А тем и мешаем, что всё хо-

дим и просим нас услышать и увидеть, – говорит Виктор. – Я только самое видное вам расскажу. Например, медицина. У нас её нет. Случись с кем беда, помощи ждать неоткуда – уедет только вперёд ногами. Вы писали несколько лет назад про случай с нашей бабушкой Татьяной, она на Базе живёт. К ней внук приехал, стало ему плохо, мы три дня всей деревней его вывозили. Еле добились, чтобы катер МЧС пришёл. До больницы довезли, а завтра парень умер. И такие истории почти каждый год. Одной женщине передали сумку медицинскую, и вся медпомощь. Этот случай, с бабушкой Татьяной, её внуком и МЧС, я вспомнила: рыдающая от радости бабушка звонила, просила поблагодарить деревенских мужиков, что помогали её внуку, а через день позвонила и сказала, что парня больше нет. Рассказали мне и про то, что в деревне, стоящей на берегу реки, нет своей питьевой воды. Камскую воду, в которую сливаются канализационные стоки Пысгора, быстриане ни за что пить не станут. Последний колодец, из которого брали воду, развалился лет 11 назад. В начале нынешнего года экс-глава поселения **Андрей Богатырёв** пробурил скважину. Вода как шла ржавая, так и идёт. Скважину закрыли. Где же берут воду быстриане? – На лодках ездим на родник.

Набираем фляги по мере необходимости, – говорит Хозяйка. Ещё странность: стоящая у воды деревня не защищена от огня. Из противопожарных средств только дождь. Когда пару лет назад здесь случился серьёзный пожар, спасло только наличие насоса у одной из местных жительниц: его кинули в Каму, протянули все имеющиеся шланги и поливали. Если пожар случится зимой, никто его не остановит. – Это не первый и не последний у нас пожар, – говорит Мишута. – Нам три раза обещали привезти пожарную помпу, только воз и ныне там! Спасаться будем сами, как сумеем. Кстати, про ворьё я оказалась не права. Отсутствие дорог, оказывается, ничуть не мешает любителям поживиться на чужом огороде.

Прогулка, я в печали

Послушала я рассказы быстриан и решила пройти по деревне. Виктор Мишута пошёл меня провожать. Вижу и бурьян, и погоревшие дома, и разрушенные колодцы, и повалившиеся заборы, и борозды в траве, которые здесь называются дорогами, и трубу – закрытую на замок бесполезную скважину. Но вот милый домик, чистый, уютный, во дворе – ряд берёс. – Это бывшая школа. Здание

Колодец, которому не меньше 20 лет, виден только тогда, когда Кама обмелеет

Закрытая на замок труба новой скважины – воду оттуда брать нельзя

купили, теперь это дом, – тоном экскурсовода рассказывает Виктор. – А тут две соседки объединились, между домами облагородили полянку, цветы посадили, ухаживают всё лето. А это здание – бывший магазин, тут тоже живут. Кто-то приезжает только посадить да выкопать – они за домами не ухаживают и дома ветшают, разваливаются, кто-то регулярно всё лето ездит. Мы идём по притихшей, словно самой себя стесняющей деревне. Вдруг – огромное дерево: толстый ствол на высоте в два человеческих роста делится на три могучие ветки. Ветки стянуты корабельной якорной цепью. Прямо по Пушкину – «златая цепь на дубе том». Только цепь не золотая, а ржавая, и не на дубе, а на кедре. – Это наша достопримечательность! – Виктор любовно гладит морщинистый ствол, тёплый даже сейчас, в прохладный

день. – Кедр больше ста лет, он в девятнадцатом веке посажен. Но кем, когда и почему, никто не знает. Мы в этом году на сходе решили здесь сделать мемориал Победы. Вот, крест поставили рядом с кедром, огородили место, сделаем памятник. Из нашей деревни тоже многие на фронт уходили. Идём дальше. По берегу Камы, сильно обмелевшей перед зимой, бегают две красивые серые лайки, поджарые, пушистые. Собак в деревне мало, только у «зимующих». Зато кошек – в каждом доме. Их потом с собой в город заберут. Там они из матерых охотников на мышей, крыс, кротов и птичек превратятся в диванных лежебок. Уедут эти кошки с последним мешком картошки на последнем в навигационном сезоне теплоходе. В Быстрой останутся две-три семьи, да Виктор Мишута – на Базе.

Продолжение следует